

За дверью находилась смотровая площадка, но в отличие от внешнего вида, она была идеально чистой, без единой пылинки.

Очевидно, кто-то установил здесь защитный барьер.

В центре площадки стоял низкий столик и циновка. На столике была начатая партия вэйци. Худощавый мужчина сидел на циновке, держа в руке чёрный камень. На доске было множество свободных мест, но он не спешил сделать ход. Только когда Нань Мин приблизился, он мягко вздохнул, опустил руку, но так и не сделал ход, а вернул камень в корзину и улыбнулся:

— Брат Нань, что привело тебя сюда?

По сравнению с роскошным нарядом Нань Мина, одежда мужчины была простой. Волосы были закреплены деревянной шпилькой, и он выглядел как бедный учёный. Его улыбка была добродушной, и в нём не было и намёка на высокомерие.

Однако, несмотря на такой дружелюбный привет, Нань Мин вздрогнул, поклонился, подняв руки до уровня бровей, и почти с трепетом произнёс:

— Линсяо-цзюнь, это касается Цяньмянь Яня.

Оказалось, что этот скромно одетый мужчина был Линсяо-цзюнь Е Ляньси из Юньчжуна.

Клан Е из Юньчжуна всегда славился своим изысканным стилем, всё в их обиходе было тщательно продумано. Но Е Ляньси всегда носил простую одежду из грубой ткани, жил аскетично, даже более скромно, чем обычные странствующие культиваторы. Возможно, именно поэтому он заслужил уважение.

Тот, кто не гонится за славой и богатством, всегда вызывает почтение.

Но его истинную сущность Нань Мин, как доверенное лицо, знал лишь поверхностно.

— Что случилось с господином Цянем? — Даже за спиной Е Ляньси его слова были безупречно вежливыми.

— Бессмертная Чан Ли из секты Тяньи прибыла в Цзяояо, а Цяньмянь Янь... он всё ещё помнит о ране от её меча.

— Это не соответствует нашему соглашению, — улыбка Е Ляньси слегка потускнела. — Я помню, господин Цянь обещал не трогать бессмертную Чан Ли.

— Так и есть... — Нань Мин выглядел растерянным, запинаясь, объяснил:

— Он сказал, что обещал не лишать её жизни, но не обещал не калечить её руку, которой она держит меч...

— Хм, — улыбка всё ещё была на его лице, но тепла в ней уже не осталось. Е Ляньси пробормотал:

— Я упустил из виду, что сердца людей переменчивы.

После этого он долго смотрел на доску, не говоря ни слова. Нань Мин ждал некоторое время, но, не дождавшись указаний, осмелился спросить:

— Линсяо-цзюнь, хотя бессмертная Чан Ли обладает необычным талантом, она всё же лишь обычный ученик секты Тяньи. Почему её нужно защищать?

— Обычный? — Е Ляньси повторил это слово, затем усмехнулся. — Фея Юйюань и господин Чжу всегда держались в стороне друг от друга, но ради неё они пошли на конфронтацию. А Почтенный Гухун — её наставник. Ты всё ещё считаешь её обычной?

Хотя фея Юйюань действовала против Чжу Маолиня под предлогом уничтожения зла, истинная причина была очевидна для тех, кто понимал.

— Это... — Нань Мин не нашёл, что ответить, и после раздумий не удержался от вопроса:

— Линсяо-цзюнь, знаете ли вы, в чём тут дело?

С тех пор, как Чан Ли прославилась несколько десятилетий назад, слухи о ней не прекращались. Только о её происхождении было десятков версий: сирота из народа Юйминь, перерождение бессмертного мечника из Верхнего мира, воплощение камня из Подземного мира и так далее. Но в основном это были беспочвенные домыслы. На праздновании дня рождения Цзян Линьчжао Нань Мин видел Чан Ли один раз и считал, что, помимо выдающегося таланта и непрístupного характера, её тело ничем не отличалось от обычного культиватора, прошедшего путь от смертного до бессмертного.

— Я тоже не знаю, в чём тут тайна, — вздохнул Е Ляньси. — Я только знаю, что её нельзя трогать. Если с ней что-то случится, когда я встречу с тремя старцами секты Тяньи на горе Хэсю, меня разорвут на куски.

— Тогда как мне удержать Цяньмянь Яня?

— Так и быть, попрошу тебя передать одно сообщение, — как только Е Ляньси закончил говорить, камень для взйци оказался в руке Нань Мина. — Передай это господину Цяню.

— Хорошо, — Нань Мин аккуратно спрятал камень, почтительно поклонился. — Я удаляюсь.

Но, повернувшись, он выглядел немного озадаченным.

Видимо, чтобы он не узнал больше, сообщение было запечатано в камне.

Он не хотел бы узнать больше, но, ограниченный своими способностями, мог лишь быть пешкой.

Когда присутствие Нань Мина исчезло, Е Ляньси снова взял чёрный камень. Добродушное выражение на его лице постепенно исчезло, уступив место холодности. Лёгким движением пальцев камень превратился в порошок.

В следующее мгновение его фигура вместе со всей смотровой площадкой исчезла, оставив лишь покрытый толстым слоем пыли пол и шатающиеся балки.

Казалось, всё вернулось к изначальному заброшенному виду, но вскоре из-за балки вылетела молниеносная птица, её силуэт мелькнул и скрылся в облаках.

За густыми облаками Лу Линь раскрыл руку, и молниеносная птица опустилась на его предплечье. Сложив крылья, она быстро превратилась в лёгкий дым, обвила его пальцы пару раз и рассеялась.

В его светло-серых глазах появилась насмешка.

— Е Ляньси... — его голос был холоден, как лезвие, и лёгкий вздох в конце был откровенной насмешкой.

Самый большой сад в Цзяояо находился в частной резиденции Ли Лансюаня, назывался он Сад цветущих абрикосов. Несмотря на скромное название, оказавшись внутри, можно было подумать, что попал в бескрайний абрикосовый лес.

Такой эффект был достигнут благодаря тайным техникам, схожим с теми, что использовались в Павильоне Чжэньлун Е Чэньчжоу.

Ли Лансюань был плотным мужчиной средних лет, издавна напомиравшим бочку. На его лице всегда была улыбка, из-за которой его и без того узкие глаза казались постоянно прищуренными.

Он обладал самым искусным мастерством создания магических инструментов в Цзяояо, и к нему выстраивались очереди из желающих заказать у него артефакты. Но его самым выдающимся умением было создание марионеток. Его марионетки были неотличимы от настоящих людей, они могли говорить, играть на музыкальных инструментах и даже танцевать.

Чжун Минчжу с любопытством разглядывала слугу, проходившего мимо с подносом, и, поддавшись порыву, протянула руку, чтобы потрогать его лицо, но её руку тут же отшлёпали.

— Что ты делаешь! — она сердито обернулась, собираясь выяснить, кто посмел прервать её, но перед ней оказалось лицо Дин Линъюнь.

Они не виделись некоторое время, и некогда румяное лицо Дин Линъюнь теперь выглядело несколько измождённым.

— Тебя дома мучают? — удивилась Чжун Минчжу. Она знала, что Дин Линъюнь забрали отец и брат, и думала, что та вернулась к жизни богатой наследницы. Но, судя по всему, дела обстояли не так хорошо.

— Не твоё дело, — отрезала Дин Линъюнь, увидев, что Чжун Минчжу снова тянется к слуге, и отдернула её руку. — Ты что, не хочешь сохранить свои руки?

— На нём что, ножи прикреплены?

— На нём нет ножей, но у Ли Лансюана их предостаточно, — Дин Линъюнь закатила глаза. — Он очень дорожит своими марионетками и ненавидит, когда другие относятся к ним как к игрушкам. Если бы это был обычный слуга, ты бы полезла его трогать?

— Нет.

— Тогда веди себя прилично и считай его обычным слугой.

— Ладно... — Чжун Минчжу неохотно убрала руку, почесала нос и пробормотала:

— Какой скупердяй.

Дин Линъюнь бросила на неё взгляд, затем вздохнула, словно была крайне утомлена.

В этот момент Чжун Минчжу вдруг заметила, что Дин Линъюнь не сразу спросила, где её

учительница. Она всегда действовала импульсивно, поэтому, не задумываясь, спросила:

— Почему ты не спрашиваешь, где моя учительница?

— Я знаю, где бессмертная Чан Ли... — голос Дин Линъюнь звучал глухо, словно она хотела что-то сказать, но сдержалась и снова вздохнула.

Чжун Минчжу посмотрела на белую фигуру вдалеке и сразу поняла, откуда взялось её уныние и почему она выглядела не слишком счастливой.

Чан Ли стояла в тихом углу, а рядом с ней Цзян Линьчжао держал в руке бокал и что-то говорил ей.

Это был банкет, который устраивали перед каждым аукционом. Все известные личности Цзяояо, независимо от их репутации, участвовали в нём. Даже такие мелкие ученики, как она, могли воспользоваться именем своей школы, чтобы выпить бокал духовного вина.

Цзян Линьчжао, как правитель Чжулана, конечно же, был среди гостей. Если бы раньше, Дин Линъюнь могла бы спокойно подойти к нему, но сейчас она не могла, потому что Цзян Линьчжао был близким другом Е Чэньчжоу, более близким, чем кто-либо другой в Юньчжуне.

Сейчас ситуация в Юньчжуне была нестабильной, и большинство считало, что Е Чэньчжоу, скорее всего, придётся распрощаться со своими силами, чтобы искупить вину. Если бы она приблизилась к Цзян Линьчжао, даже не сказав ни слова, это вызвало бы злобные домыслы.

<http://bllate.org/book/16292/1468800>